

Кусмидинова Мария Харисовна

кандидат философских наук,
доцент кафедры культурологии
Астраханского государственного университета

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА РЕКИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ НА ПРИМЕРЕ ВОЛГИ

Аннотация:

В статье представлен комплексный философско-культурологический анализ концепта Волги, основанный на российском культурном дискурсе. Отражая все архетипичные культурные парадигмы (рождение, смерть, слово, песня, любовь, свобода), Волга являет собой уникальный пример многопланового речного символа, который продолжает ретранслировать культурные элементы, формирует новые образы и ментальные характеристики.

Ключевые слова:

культура, образ, река, менталитет, концепт, символ, фольклор, метафора.

Kusmidinova Maria Kharisovna

PhD in Philosophy, Assistant Professor,
Cultural Studies Department,
Astrakhan State University

FORMATION OF THE RIVER CONCEPT IN THE RUSSIAN CULTURE BY CASE STUDY OF VOLGA

Summary:

The article presents a comprehensive philosophical and cultural analysis of the concept of Volga, based on the Russian cultural discourse. Reflecting all archetypal cultural paradigms (birth, death, word, song, love, freedom), Volga is a unique example of a multi-faceted symbol of the river, which continues to transmit cultural elements and generates new images and mental characteristics.

Keywords:

culture, image, river, mentality, concept, symbol, folklore, metaphor.

Термин «концепт» многозначен и достаточно сложен. В отечественной литературе он начал активно использоваться во второй половине XX в., хотя впервые в научный оборот был введен С.А. Аскольдовым в работе «Концепт и слово» в 1928 г. На данный момент не существует единого непротиворечивого определения термина «концепт» в теории концепта и даже единого подхода к его исследованию и трактовке. Сегодня можно выделить как минимум три основных подхода к пониманию концепта: лингвистический, когнитивный и культурологический.

В рамках культурологического подхода понятие концепта трактуется прежде всего как принадлежащее обыденной философии и являющееся результатом взаимодействия ряда факторов, таких как этнические особенности, специфический менталитет, национальная традиция, фольклор, религия, идеология, жизненный опыт, образы искусства, ощущения и система ценностей. Концепты образуют «своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [1, с. 3].

Культурологическое осмысление этого понятия, с точки зрения автора, на данный момент является доминирующим. Более того, само понятие культуры определяется подчас через понятие концепта: как «совокупность концептов и отношений между ними, выражающихся в различных «рядах» (прежде всего в «эволюционных семиотических рядах»), а также в «парадигмах», «стилях», «изоглоссах», «рангах», «константах» и т. д.» [2, с. 38].

Поскольку объектом данной статьи является не просто река, а именно культурный концепт реки на примере Волги, целесообразно рассмотреть его в плоскости исследования менталитета, определяя таким образом влияние этого концепта на способ культурного освоения мира, на его место в формировании культурной картины мира.

Волга, являясь самой большой рекой в Европе и главной водной артерией в европейской части России, на протяжении многих веков продолжает оказывать огромное влияние на формирование менталитета народов, проживающих в ее бассейне. Вода представляет собой некую универсальную стихию, которая выступает своеобразным мериллом или источником множества явлений. Способность воды вобрать в себя многое, погрузить в себя и даже уничтожить в себе всевозможные формы и проявления обозначает водную стихию как универсальный символ премордиального бытия – изначальный хаос, порождающий постмордиальное бытие. Более того, даже упорядоченная вода (= река) продолжает выполнять свою онтологическую роль, выступая невидимым креативным фактором ментальности человека. Река творит особый склад и характер народа, способствует формированию национальной ментальности на уровне подсознания.

Безусловно, Волга выступает одним из главных гидромаркеров, вокруг которого складывался огромный пласт культурных элементов (мифов, поэтических образов, верований, рациональных и иррациональных представлений, связанных с хозяйственной деятельностью, и т. д.). Несмотря на то что Волга играет большую роль в экономике, культуре и общественном сознании

россиян, вместе с тем ей уделено, как кажется автору статьи, незаслуженно мало внимания в культурологии и философии.

Было бы излишне категорично утверждать, что образ Волги полностью проигнорирован в научном дискурсе. В той или иной степени он неоднократно анализировался отечественными филологами (Вл. Гречишниковым, А.Г. Цейтлиным, В.А. Никольским). Как правило, в такого рода работах река-Волга не является объектом исследования, а анализируется в рамках изучения конкретных литературных произведений: романов И.А. Гончарова, Н.А. Островского и т. д.

В России нет другой реки, которая по своему значению для русской культуры могла бы сравниться с Волгой. Думаем, это утверждение правомерно и подтверждается самой русской историей. Может быть, только Дон в региональном значении мог бы претендовать на высокую значимость в культуре россиян. По сути, анализ ментальных представлений, связанных с этими двумя реками, представляет собой некоторый шаг вперед в восприятии народов, живших на берегах рек. Даже неглубокое исследование в данном ключе показывает, что в более ранний период для обозначения реки использовались не имена собственные, а просто слова «вода», «река». Обратимся к примерам: Итиль – тюрк. *эдель* – «река», Дон – скиф., осет. «вода», Дунай (Данубе) – того же значения. Хотя этимология гидронима Волга не совсем ясна, возможно, название реки восходит к корню «волг», то есть *влага*. Однако данный этимологический ряд является всего лишь предположением, то есть гидроним Волга восходит к угро-финским или тюркским языкам. Таким образом, Волга словно приобретает имя собственное, что отличает ее от множества других рек.

Другим важным моментом в восприятии Волги является тот факт, что данная река воспринималась в качестве матери (Волга-матушка). Анализируя фольклорный нарратив, можно отметить, что только две реки могли претендовать на такое восприятие русскими: Волга и Дон. Если Волга выступала матерью россиян, то Дон был отцом, ср.: Дон-батюшка. Стремление как бы «очеловечить» реку, вписать ее в систему «родственных» отношений свидетельствует о высокой значимости данной конкретной реки для россиян, которые как бы происходили от Волги, «вытекали» из нее. Такой гендерный и даже патронимический аспекты очень характерны для культуры многих народов. С их помощью как бы выстраивалась связующая нить между природой и социумом, происходила социализация природы и натурализация социума.

В XIX в. многими исследователями был записан богатый фольклорный материал, свидетельствующий о персонификации многих русских рек и озер. В такого рода исторических преданиях реки предстают перед нами в образе людей. В этом плане показательны фольклорные нарративы, в которых Волга фигурирует вместе с другими реками. Мотив подобных преданий один: реки спорят, кто быстрее, кто сильнее и т. д. Одно из таких преданий гласит: «Когда бог определял рекам их судьбу, то Десна опоздала прийти вовремя и не успела выпросить себе первенство перед Днепром. “Постарайся сама опередить его!” – сказал ей Бог. Десна пустилась в путь, но, как ни спешила, – Днепр все-таки опередил и впал в море, а Десна должна была примкнуть устьем к большому Днепру» [3, с. 226].

Интересно, что в подобных нарративах стремление объяснить ряд природных особенностей рек тесно переплетается с аксиологической составляющей. Одни реки оказываются лучше и достойнее других: наделяются положительными качествами, выступают неким образцом нравственности, в то время как другие служат примером недостойного поведения. В результате это неправильное поведение является причиной их проигрыша. Примечательно, что в таких нарративах можно встретить и онтологию, и гносеологию, и аксиологию концепта реки в русской культуре.

В некоторых былинах и сказаниях Волга не спорит с другими реками, а даже передает через главного героя им привет: «*По славной матушке Волге-реке, / А гулял Садко молодец тут двенадцать лет: / Никакой над собой притки / И скорби Садко не видывал, / А все молодец во здоровье пребывал. / Захотелось молодцу побывать во Новгороде; / Отрезал хлеба великой сукрой, / А и солью насолил, его в Волгу опустил: / “А спасибо тебе, матушка Волга-река! / А гулял я по тебе двенадцать лет, / А иду я, молодец, в Новгород побывать”.* / Проговорит ему matka Волга-река: / “А и гой еси, удалой добрый молодец! / Когда придешь ты во Новгород, / А стань ты под башню проезжую, / Поклонися от меня брату моему, / А славному озеру Ильмену”...» [4, с. 30–31].

Вместе с тем уже в XVIII в. начинает формироваться новый образ Волги. Постепенно из фольклора Волга переходит в художественную литературу. Наверное, одним из первых, кто с художественной точки зрения обозначил Волгу в новом свете, был Н.М. Карамзин. Волга для него – природный объект, тесно связанный с Россией, она отражает или, точнее, подчеркивает ее величие: «*Река священнейшая в мире, / Кристальных вод царица, мать! / Дерзну ли я на слабой лире / Тебя, о Волга! величать, / Богиней песни вдохновенный, / Твоею славой удивлен-*

ный? / Дерзну ль игрою струн моих, / Под шумом гордых волн твоих – / Их тонкой пеной орошаясь, / Прохладой в сердце освежаясь – / Хвалить красу твоих берегов, / Где грады, веси процветают, / Поля волнистые сияют / Под тению густых лесов...» [5, с. 108].

В XIX в. в отечественной литературе вновь произошла смена акцентов, в результате чего Волга потеряла политическую или общенациональную составляющую, проявлявшуюся в фольклоре и художественной литературе прошлого.

Активное развитие экономики в России в XIX в. превращает Волгу в одну из главных водных артерий страны. Тысячи судов бороздят волжские просторы. Необходимость передвигать суда против течения вызывает привлечение дешевой крестьянской силы. На сезонный труд в нижние города сходились крестьяне Костромской, Вятской, Нижегородской, Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской губерний. Изучение этого вопроса Министерством внутренних дел в XIX в. показало, что в бурлачестве принимали участие самые разнообразные люди: некоторые из них очень хорошо знали всю специфику своего ремесла, все особенности фарватера, реки и пр. Но были и те, кто подходил к этому труду спустя рукава: лентяи, преступники, бродяги и пр. [6, с. 607].

Хотя в целом в бурлаки нанимались от невозможности прокормиться крестьянским трудом, было нечто, что манило людей именно на эти заработки. Тяжелая, но независимая жизнь бурлака воспитывала в нем особый нрав. Свободолюбивый, вольный человек, часто смутьян, приобретший богатый житейский опыт выживания в нечеловеческих условиях, привыкший рисковать своей жизнью, – вот собирательный образ этого волжского героя, чей рабский труд был воспет в многочисленных песнях XIX в., пословицах, романах и повестях. Причем очень часто образ бурлака был представлен очень противоречиво: от восхищения, жалости до презрения к человеку, который опустился на самое дно, ведет антисоциальный образ жизни и которому нельзя доверять. Сравним лишь некоторые пословицы и поговорки, посвященные бурлакам: *Бурлак на час денежку пасет и копит* [7, с. 94] – как правило, значительную часть своего заработка многие бурлаки пропивали сразу же после получения денег [8, с. 30]; *Дома бурлаки бараны, а на плесу буйны* – как правило, бурлак вел себя в своей деревне мирно и с достоинством, однако на воле поведение его сильно менялось. Очень часто в бурлаке проявлялся его бунтарский дух. Жизнь на Волге коренным образом преображала характер человека. В отдельных случаях бурлаки целыми артелями покидали судовладельцев. В 1856 г. бурлаков, оставивших своих судовладельцев между Нижним Новгородом и Казанью, насчитывалось до 2 тыс. человек [9, с. 28]. Бедное состояние бурлака нашло отражение в пословице: *«Бурлак что сиротка: когда белая рубашка, тогда и праздник»*, но и: *«Собака, не тронь бурлака, бурлак сам собака»* [10, с. 104].

В последней трети XIX в. на Волге происходили бурные изменения, что не могло не отразиться на настроении некоторых волжан, влюбленных в великую реку. В их сознании она все больше утрачивала то прежнее очарование, на смену которому приходила, по их мнению, оплеванная, поруганная Волга: *«Тускнеет твой венец алмазный, / Не зыкнет с похвистом жених... / Все больше пятен нефти грязной – / Плевки Горынычей стальных... / Глядишь, старея и дряхлея, / Как пароходы с ревом прут, / И голубую телогрею / Чернит без устали мазут... / А жениха все нет в дозоре... / Роняет известь едкий прах... / Плынешь ты с жалобой к морю, / Но и оно – в плевках, в гудках»* [11, с. 82].

Говоря о бурлаках и прочих лихих людях Волжского простора, нельзя не коснуться еще одной темы, к которой вынуждены постоянно возвращаться, – темы любви на Волге. Волга и любовь – это два мотива, которые столь тесно переплелись, что не всегда их можно отделить друг от друга. Безусловно, тема любви является одной из главных в русской поэзии – фольклорной или художественной, однако в волжской тематике они, как правило, обрамляют друг друга.

Рассуждая об образах Волги в произведениях русских художников, было бы неверно сводить все многообразие живописных работ на волжскую тематику лишь к нескольким обозначенным темам: бурлаки (тема непомерного труда), волжская вольница (Степан Разин и другие разбойники), любовь (несчастливая или счастливая), смерть. Волга – это еще и просто пейзажная лирика или живопись (И. Репин, И. Айвазовский, А. Саврасов, И. Левитан).

Появление во второй половине XIX в. нового социального класса способствовало формированию еще одного отношения к Волге. Волга и ее береговая территория стали объектом пристального внимания для появившихся туристов, совершавших развлекательные и познавательные поездки по реке. К концу XIX в. в печати появляются обширные для своего времени путеводители по Волге, сформировав при этом новый образ хорошо знакомой для русского человека реки [12, с. 89]. Правда, в этих путеводителях авторы делают акцент на уходящей старине, Волге прошлого. Конечно, здесь мы можем наблюдать цивилизационный аспект волжского концепта, в том плане Волга во второй половине XIX в. помогает туристам самоидентифицироваться, обнаружить связующую нить с прошлым, ощутить данную связь на уровне телесности, а также в рамках вербальной и визуальной культуры. Здесь уже не наблюдается патронимии или аксиологии

концепта Волги, поскольку возникает новое отношение к великой реке, правда лишенное эстетической составляющей.

Культурный ландшафт Волги претерпел серьезные изменения в советский период. С самого начала советской власти большевики устремились обузывать реки, перекраивать гидроландшафт по своему усмотрению. Преобразования начались с Беломорканала, однако и Волга попала в центр внимания советских гидроинженеров, наметивших ряд крупных проектов. Однако, несмотря на противоречивое отношение советской власти к Волге, советские поэты продолжали с упоением воспевать Великую реку Великой страны. В известной поэме А. Твардовского «За далью – даль» есть глава, посвященная Волге, ее название весьма символично: «Семь тысяч рек». Волга, по мнению А. Твардовского, символ России («В нее смотрелось пол-России»; «Волга – это середина земли родной, семь тысяч рек»). Кульминацией всего этого звучат следующие строки: «Пусть реки есть мощней намного – / Но Волга-матушка одна! / И званье матушки носила / В пути своем не век, не два – / На то особые права – / Она, / Да матушка Россия, / Да с ними матушка Москва...» [13, с. 31].

Как и Карамзин, А. Твардовский описывает Волгу в контексте великих побед России. Здесь и Петр Первый, и Ленин, и Сталинградская битва: «И стало явью то, что было / Мечтой еще царя Петра; / Наметкой смутной поколений, / Нуждой, что меж несчетных дел / И нужд иных великий Ленин / Уже тогда в виду имел» [14, с. 30].

Итак, образ Волги в глазах советского народа – это образ реки-труженицы, она все еще Волга-матушка, но во многом ее предназначение свидетельствует о величии советского народа, поэтому ее можно перегораживать, изменять ее русло.

О том, что старые архетипичные модели в восприятии Волги не исчезли со временем, свидетельствует множество фактов: это и любовь советских людей к старинным песням XIX в., где так ярко проявились все волжские темы («Из-за острова на стрежень», «Есть на Волге утес», «Вот мчится тройка почтовая», «Вот мчится тройка удалая» и др.), а также появление новых песен, где мы можем разглядеть все те же мотивы. Как и прежде, Волга выступает неким фоном, призванным оттенить тоску героя об ушедшей молодости, несбывшейся надежде и т. д.

Несмотря на утилитарный подход к Волге, советское, да и российское правительства не смогли полностью искоренить традиционное восприятие Волги. Темы Волги были и остаются одними из любимых тем российского народа.

Хотелось бы также подчеркнуть, что сложный перестроечный период для страны весьма положительно сказался на Волге. Экология улучшилась, однако это не может повлиять на общее гидрологическое состояние реки. Многочисленные плотины и водохранилища коренным образом изменили гидрологию реки, из полноводной реки Волга превращается в обмелевшую в среднем течении речку, теряющую все преимущества судоходной реки.

Но конец прошлого века продемонстрировал нам еще один феномен, связанный с великой русской рекой. Условно его можно назвать «интернационализацией реки». Отдельные подходы к этому можно было видеть и у других авторов XIX–XX вв. Великий русский поэт Велимир Хлебников очень часто («Единая книга», «Ладомир») сравнивал Волгу с другими мировыми реками: Гангом, Янцзы, Нилом, Миссисипи и т. д. [15, с. 86].

В завершение делаем следующий вывод. Волга в рамках российской истории представляет собой многоплановый речной символ. Отражая все архетипичные культурные парадигмы (рождение, смерть, слово, песня, любовь, свобода), она вместе с тем представляла собой уникальный пример или, точнее, образчик гидрополитического характера. Река воспринималась как осевое (в пространственном и временном аспектах) явление, тесно вплетающееся в историю России.

Ссылки:

1. Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993. С. 3.
2. Степанов Ю.С. Концепты. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 2004. С. 38.
3. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865. 800 с.
4. Дворецкова К.И. Волга в песнях и сказаниях. Саратов, 1937. 176 с.
5. Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений. Л., 1966. 569 с.
6. Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел. Кн. 1, ч. 3. СПб., 1862. 795 с.
7. Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 2008. 752 с.
8. Современная хроника России // Отечественные записки. М., 1857. Т. CXIII. 527 с.
9. Там же. С. 28.
10. Даль В.И. Указ. соч. С. 104.
11. Ширяевец А.В. Стихотворения и поэмы. Ставрополь, 1992. 396 с.
12. Боголюбов Н.П. Волга от Твери до Астрахани. СПб., 1862. 700 с.
13. Твардовский А.Т. За далью – даль. М., 1960. 195 с.
14. Там же. С. 30.
15. Хлебников В.В. Стихотворения. Поэмы. Драммы. Проза. М., 1986. 252 с.

References:

1. Arutyunova, ND 1993, *Logical analysis of language. Mental action*, Moscow, p. 3.
2. Stepanov, YS 2004, *Concepts. Dictionary of Russian culture. Previous studies*, Moscow, p. 38.
3. Afanasyev, AN 1865, *Poetic views on the nature of the Slavs*, Moscow, 800 p.
4. Dvoretzkova, KI 1937, *Volga in songs and legends*, Saratov, 176 p.
5. Karamzin, NM 1966, *Complete Poems*, Leningrad, 569 p.
6. Varadinov, NV 1862, *History of the Ministry of Interior*, Bk. 1, part 3, St. Petersburg, 795 p.
7. Dal, VI 2008, *Proverbs of the Russian people*, Moscow, 752 p.
8. 'Modern Chronicle Russia' 1857, *Notes of the Fatherland*, Moscow, vol. CXIII, 527 p.
9. 'Modern Chronicle Russia' 1857, *Notes of the Fatherland*, Moscow, vol. CXIII, p. 28.
10. Dal, VI 2008, *Proverbs of the Russian people*, Moscow, p. 104.
11. Shiryayevets, AV 1992, *Poetry and poems*, Stavropol, 396 p.
12. Bogolyubov, NP 1862, *Volga from Tver to Astrakhan*, St. Petersburg, 700 p.
13. Tvardovskiy, AT 1960, *For distant – distance*, Moscow, 195 p.
14. Tvardovskiy, AT 1960, *For distant – distance*, Moscow, p. 30.
15. Khlebnikov, VV 1986, *Poetry. Poems. Drama. Prose*, Moscow, 252 p.